

щества. Здѣсь опытъ культурнаго христіанства является для насъ настоятельно необходимымъ, но неправославность почти всего этого «культурнаго» міра затрудняетъ использование его культурнаго опыта. Церковь и государство, Церковь и рабочий вопросъ, Церковь и современная наука, Церковь и техническая цивилизація — для уясненія этихъ новыхъ для православія проблемъ у Востока нѣтъ опыта. Въ частности, Балканы сами сейчасъ питаются, какъ и послѣ-петровская Россія, изъ западныхъ источниковъ знанія, не всегда безъ вреда для себя и своей великой традиціи. Однако, другихъ путей нѣтъ.

И вотъ въ это самое время, какъ бы провиденціально, на инославномъ Западѣ пробуждаются вселенскія стремленія, заставляющія его съ надеждой взирать на Востокъ. Римъ, гордый полнотой своей истины, разумѣется, остается чуждымъ этимъ устремленіямъ или понимаетъ ихъ по-своему, въ духъ уніи. Но протестантскій міръ, возжаждавшій церковности, представляетъ для православія область огромныхъ возможностей. Не жаждой прозелитизма руководимся мы, не желаніемъ только спасать души или увеличивать число вѣрныхъ. Важнѣе всего для насъ — найти западное православіе, стоящее на своей апостольской древней традиціи и излѣчившее раны реформаціи. На Западѣ мы ищемъ не однороднаго себѣ, а иного, новаго для насъ, что могло бы восполнить нашъ опытъ. Но это новое должно быть, разу-

мѣется, православнымъ, чтобы войти въ ограду Церкви. Таково было нѣкогда православіе св. Венедикта, святыхъ папъ Льва Великаго и Григорія Двоеслова, при всей несхожести ихъ богословскихъ и практическихъ направленій съ православіемъ восточнымъ.

Насколько измѣнились бы духовныя судьбы міра и вліяніе Церкви на міръ, если бы, скажемъ, могущественная Англиканская церковь, раскинувшаяся по всѣмъ материкамъ и островамъ, вступила съ Восточной Церковью въ общеніе таинствъ и молитвъ. Наши друзья изъ англо-католиковъ знаютъ, что можетъ дать имъ это общеніе. Но знаемъ и мы, что русская Церковь нуждается въ огромномъ социальномъ и культурномъ опытѣ, который накопило англиканство за вѣка своего обособленнаго существованія. Лишь основанные на взаимной духовной потребности поиски единенія — искренни и плодотворны.

Не утопична эта цѣль — она какъ разъ въ границахъ историческихъ возможностей. Люди зрѣлаго опыта, многіе православные іерархи работали для этого великаго дѣла. И сейчасъ православная молодежь въ изгнаніи призвана лишь въ новыхъ, лучшихъ условіяхъ, продолжать дѣло отцовъ. Съ нами благословеніе Церкви и ея іерарховъ. И вся православная Россія, освобожденная отъ ига, когда-нибудь скажетъ намъ спасибо, если мы хоть на шагъ, облегчимъ ея путь къ рѣшенію этой великой исторической задачи.

Экуменизмъ и единство церкви

Стремленіе ко взаимному объединенію въ послѣднее время пріобрѣло особенную силу въ христіанскомъ мірѣ.

Гоненіе на вѣру въ совѣтской Россіи особенно всколыхнуло религиозное чув-

ство всей Европы. Стало ясно, что современная Европа живетъ не одними только политическими и матеріальными интересами, и что въ глубинѣ ея души, какъ и во времена крестовыхъ походовъ, продолжа-

еть горѣть сильное религіозное чувство. Всѣ христіанскія церкви, безъ различія вѣроисповѣданія, — англиканская, протестантская, римско - католическая и православная, не исключая и сектантовъ, единодушно возвысили голосъ въ защиту вѣковой святыни христіанства. И этотъ голосъ прозвучалъ искренно и сильно, и не остался «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

Всколыхнувшееся христіанское чувство съ новою силою выдвинуло вопросъ о возстановленіи древняго единства христіанскаго міра, давая ему новую постановку.

Сила растущаго и организующагося безбожія, создавшаго свой центръ въ православной Россіи и оттуда угрожающаго ниспровергнуть религіи всего міра, обязываетъ сблизиться и объединиться всѣхъ, для кого христіанская вѣра является высшею правдою и цѣнностью жизни, дающею жизни смыслъ и разумную цѣль, оправдывающею и одушевляющею каждое отдѣльное человѣческое существованіе.

Никогда еще вопросъ объ объединеніи христіанскаго міра не ставился съ такою искренностью, и не охватывалъ такіе широкіе круги вѣрующихъ, какъ въ настоящее время. Въ этомъ заключается особенность его современной постановки.

Отдѣльныя христіанскія общества такъ давно уже разошлись по разнымъ дорогамъ, такъ много накопили у себя новыхъ особенностей, сдѣлались столь чуждыми другъ другу, столько перетерпѣли и нанесли взаимныхъ обидъ и несправедливостей, что, казалось бы, чрезвычайно трудно и, по человѣческимъ соображеніямъ, даже невозможно имъ выйти изъ своей изолированности, всколыхнуться, преодолѣть раздѣляющія ихъ грани. Но какъ въ химіи нѣкоторые элементы въ своемъ обычномъ состояніи не обнаруживаютъ взаимнаго сродства и не могутъ

образовать новаго соединенія, а при повышенной температурѣ легко вступаютъ въ это соединеніе, такъ и въ духовной жизни: исключительныя обстоятельства разогрѣваютъ человѣческія души, создаютъ новыя духовныя состоянія, при которыхъ уже не могутъ продолжаться прежнія холодныя взаимоотношенія, открываются неожиданныя возможности новыхъ взаимоотношеній и то, что казалось совершенно невозможнымъ, вдругъ становится неизбѣжнымъ. Люди входятъ въ новую духовную атмосферу, начинаютъ по новому смотрѣть другъ на друга, по новому чувствовать.

Мы живемъ сейчасъ въ повышенной и напряженной духовной атмосферѣ; христіанскій міръ переплавляется въ горнилѣ великихъ историческихъ потрясеній, открываются новыя возможности человѣческихъ взаимоотношеній. Въ христіанскомъ мірѣ совершается небывалое давно уже движеніе. И это движеніе стремится не къ раздѣленію, какъ было въ XVI вѣкѣ, а къ созиданію, къ воссоединенію. Несомнѣнно, возникновенію этого духовнаго поворота въ психологіи христіанскихъ народовъ немало способствовали ужасы великой европейской войны, когда такъ ясно обнаружилось, какъ далеко христіанская Европа отошла отъ своихъ христіанскихъ идеаловъ. Сознаніе своей виновности вызвало желаніе новой жизни, новыхъ, болѣе христіанскихъ, взаимоотношеній. Послѣдовавшіе затѣмъ ужасы русской революціи и разсѣяніе русской эмиграціи среди народовъ всего міра повлекли за собою возможность болѣе тѣснаго и близкаго, не книжнаго только и теоретическаго, но жизненнаго, практическаго взаимоотношенія двухъ міровъ — восточнаго и западнаго, православнаго и инославнаго. Съ новою силою всколыхнулся римско-католическій міръ, охваченный своимъ исконнымъ стремленіемъ подчинить себѣ православный Востокъ и особенно рус-

скую церковь. Въ этихъ его усиляхъ мы должны видѣть неправильно удовлетворяемую, но несомнѣнную жажду церковнаго единенія. Мы привѣтствуемъ эту жажду, хотя и желаемъ, чтобы она нашла иные, болѣе правильные и цѣлесообразные пути для своего удовлетворенія.

Протестантскій міръ также находится въ состояніи огромнаго духовнаго напряженія. Онъ не имѣетъ въ себѣ того глубокаго историческаго корня, той церковной монолитности, какою отличается римское католичество, и которая въ глазахъ католическаго міра является оправданіемъ его притязаній на всемірное господство; тѣмъ настойчивѣе протестантскій міръ ищетъ иныхъ путей къ объединенію всѣхъ христіанъ. Отъ протестантской инициативы исходятъ постоянныя въ последнее время христіанскія конференціи, сѣзды, совѣщанія, юношескія организаціи, издательства и всевозможныя другія энергичныя попытки установить связь, найти общій языкъ и общее дѣло съ христіанами всѣхъ вѣроисповѣданій.

Англиканская церковь, сумѣвшая среди чрезвычайныхъ историческихъ трудностей сохранить свою іерархію, благополучно прошедшая между римскимъ католицизмомъ и протестантизмомъ, устрояющая постепенно свое внутреннее единство и стремящаяся къ установленію общенія съ православными и съ римско-католиками, также находится въ состояніи большой и напряженной общецерковной работы.

Нарушилась прежняя неподвижность вѣроисповѣдныхъ границъ, стали неясными самыя эти границы, наблюдаются постоянные переходы изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое.

Общехристіанскія конференціи въ Стокгольмѣ и въ Лозаннѣ привели къ новой постановкѣ вопроса о вѣроисповѣдныхъ отношеніяхъ и выдвинули экуменическую идею, т. е. идею вселенскаго единенія

христіанскихъ обществъ съ сохраненіемъ каждымъ вѣроисповѣданіемъ всей полноты своихъ традиціонныхъ особенностей.

Экуменическая идея призываетъ къ прекращенію между отдѣльными вѣроисповѣданіями взаимнаго недоброжелательства, недоверія, споровъ и обличеній. Отдѣльныя церкви должны стать выше политическихъ, національныхъ и иныхъ на нихъ вліяній; онѣ должны быть одушевлены только идеею служенія Богу, стоящему выше земныхъ раздѣленій, Богу всего міра. Путями, приводящими отдѣльныя христіанскія исповѣданія къ единенію, экуменическая идея считаетъ молитву объ объединеніи и взаимное благожелательное изученіе другъ друга. Экуменическая идея не требуетъ интерконфессіонализма, т. е. объединенія на минимумѣ вѣрованій, принимаемыхъ всѣми исповѣданіями. Какъ уже было сказано, она признаетъ необходимымъ, чтобы каждое вѣроисповѣданіе сохраняя всю полноту своей религіозной жизни, давало отъ этой полноты и другимъ вѣроисповѣданіямъ то, что они могутъ съ пользою заимствовать для себя. Самый вѣрный путь къ достиженію общаго единства заключается въ томъ, чтобы каждое вѣроисповѣданіе сохраняло неизмѣнную вѣрность Богу. Раздѣленіе между христіанами есть результатъ утраты ими способности воплощать свою вѣру въ жизни. Христіанскій міръ совершаетъ преступленіе, когда, не осуществляя своей вѣры въ жизни, даетъ основаніе невѣрующимъ противопоставлять ихъ идеаль добра идеалу христіанскому. Современное христіанство оміршилось. Возникаетъ сомнѣніе, существуетъ ли на землѣ хранилище безусловной христіанской истины. Но когда христіанство становится несвободнымъ отъ мірскихъ вліяній, оно перестаетъ быть истиннымъ христіанствомъ. Такова, въ немногихъ словахъ, идея экуменическаго христіанства, какъ она излагается ея сторонниками-протестантами.

Мы, православные русскіе люди, не можемъ не сознавать своей огромной вины передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ за то, что мы допустили создаться въ нашей православной странѣ центру воинствующаго безбожія. Но, хотя мы и виноваты передъ Богомъ и людьми въ недостатокъ духовной энергіи и вѣрности Господу, все же это не освобождаетъ насъ отъ обязанности высказать наше отношеніе къ происходящему въ христіанскомъ мірѣ движенію. Оно должно быть намъ близко и радостно уже по одному тому, что мы всегда молились и молимся «о мирѣ всего міра, о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ», молимся за всю братію и «за вся христіаны». Можемъ ли мы не радоваться, когда видимъ, что эта наша молитва начинаетъ осуществляться, что всѣ христіанскія общества охватила жажда взаимнаго примиренія и объединенія?! Однако мы не можемъ не высказать и нѣкоторыхъ, возникающихъ у насъ, съ православной точки зрѣнія, сомнѣній и опасеній.

Прежде всего, мы не можемъ раздѣлять того мнѣнія, свойственнаго всему вообще протестантскому міру, будто на землѣ можетъ не быть хранилища безусловной и чистой христіанской истины. Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что Христосъ именно на землѣ установилъ свою единую, святую, соборную и апостольскую Церковь, какъ вѣрную и неизмѣнную хранительницу Христовой истины и источникъ благодатнаго освященія. Если бы мы усумнились въ этомъ, то мы потеряли бы всякую опору въ своемъ земномъ христіанскомъ странствованіи. Только сознавая себя принадлежащими, хотя и не по достоинству, къ Христовой Церкви, которая есть, по апостолу, «столпъ и утвержденіе истины», мы имѣемъ увѣренность, что стоимъ на крѣпкой скалѣ въ дѣлѣ нашего спасенія.

Во-вторыхъ, то единеніе христіанскихъ

вѣроисповѣданій, къ которому насъ призываетъ экуменизмъ, мы признаемъ прекраснымъ и необходимымъ, но не думаемъ, чтобы оно заключало въ себѣ ту полноту христіанскаго единенія, когда вѣрующіе единымъ сердцемъ и едиными устами славятъ и воспѣваютъ Господа. Такая полнота единенія невозможна безъ единства вѣры и безъ общенія въ таинствахъ. Единства же вѣры нѣтъ тамъ, гдѣ одни, положимъ, обращаются съ горячими молитвами къ Божіей Матери и святымъ, а другіе считаютъ эти молитвы бесполезными и ненужными. Общенія въ таинствахъ нѣтъ тамъ, гдѣ для однихъ, напримеръ, таинство елеосвященія является источникомъ здоровья тѣлеснаго и душевнаго, для другихъ — напутствіемъ въ загробную жизнь, а для третьихъ, оно совсѣмъ не является таинствомъ. При такомъ различіи въ пониманіи таинства, какъ можно объединиться въ немъ? И потому можно опасаться, что изъ вниманія другъ къ другу, по долгу взаимной любви, одни станутъ принимать таинства, въ которыя не вѣрятъ, а другіе охладѣютъ къ таинствамъ, въ которыя вѣрятъ, и тогда неизбежно создается тотъ минимумъ вѣры, пріемлемой для всѣхъ, который требуется интерконфессіонализмомъ, но отвергается экуменизмомъ. Утратится глубина христіанства ради сохраненія между вѣроисповѣднаго единенія. Но такое единеніе едва ли удовлетворитъ вѣрующія христіанскія души, жаждущія единенія именно въ самыхъ глубочайшихъ основаніяхъ христіанства, въ святыхъ таинствахъ. Еще разъ повторяемъ, что мы понимаемъ и цѣнимъ все значеніе экуменической идеи, но видимъ въ ней только первый шагъ, только первую ступень, за которою непременно должна послѣдовать вторая ступень, подлинное и глубокое церковное единеніе христіанъ.

Наконецъ, у насъ имѣется еще и третье опасеніе. Единеніе вѣроисповѣданій вы-

ляется ли въ какую либо внѣшнюю организаціонную форму, въ форму конгресса, конференціи и ихъ уполномоченнаго органа? Въ какомъ отношеніи эта между вѣроисповѣдная организація будетъ стоять къ организаціямъ отдѣльныхъ церквей, къ ихъ іерархіи, къ ихъ церковнымъ соборамъ? Не создается ли для отдѣльныхъ церквей нѣкоторое двоевластіе? Конечно, эта возможность — дѣло, можетъ быть, далекаго будущаго, но все таки о ней нельзя не думать.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что экуменическая идея должна быть углублена идеей всецерковнаго единства. Подлинное христіанское единеніе не можетъ основываться только на чувствѣ взаимной благожелательности. Оно должно быть основано на единствѣ вѣры. Несомнѣнно, что безъ предварительнаго чувства взаимной благожелательности не можетъ быть достигнуто и единеніе въ вѣрѣ. И въ этомъ смыслѣ идея экуменизма имѣетъ огромное и благотворное значеніе. Главнымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ доселѣ возстановленію единства христіанскаго міра, было, несомнѣнно, взаимное предубѣжденіе, недовѣріе и недоброжелательство отдѣльныхъ христіанскихъ обществъ другъ къ другу. Это зло теперь всѣми осознано, и съ нимъ идетъ общая борьба. Однако, подлиннымъ фундаментомъ объединенія христіанскаго міра можетъ быть только единство вѣры. Формы религіозной жизни отдѣльныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій могутъ быть различны, въ этомъ отношеніи можетъ быть допущена самая широкая свобода для особенностей мѣстныхъ церквей, дорожащихъ своимъ мѣстнымъ церковнымъ преданіемъ. Вѣдь, не мѣшало же единству христіанскаго міра во 2-мъ вѣкѣ различіе во времени празднованія Пасхи на Востокъ и Западъ!

Но въ основахъ вѣры должно быть безусловное единство! Къ числу такихъ ос-

новныхъ пунктовъ вѣры, по которымъ непременно должно быть достигнуто единство, мы относимъ прежде всего принятіе всѣми христіанскими вѣроисповѣданіями одинаго и тождественнаго символа вѣры, каковымъ только и можетъ быть Никео-цареградскій Символь, какъ принятый вселенскими соборами нераздѣленной церкви и, по ихъ постановленію, не подлежащій никакимъ измѣненіямъ, или дополненіямъ. Противъ этого символа вѣры ни съ чьей стороны нѣтъ догматическихъ возраженій. Единодушное принятіе его всѣми христіанскими вѣроисповѣданіями было бы только актомъ торжественнаго провозглашенія перваго шага къ единству христіанскаго міра, и дѣломъ торжествующей христіанской любви. Этотъ шагъ нанесъ бы первый потрясающій ударъ разобщенности христіанскаго міра. Конечно, онъ долженъ былъ бы торжественно обнародованъ по всѣмъ храмамъ всего христіанскаго міра, какъ первый починъ ко всеобщему примиренію и объединенію.

О другихъ пунктахъ вѣры, по которымъ также должно быть достигнуто единеніе, мы сейчасъ говорить не будемъ.

Когда Апостолы въ послѣдній разъ провозгласили Господа Іисуса Христа на Елеонскую гору, они спрашивали Его: «Не въ сіе ли время, Господи, возстановляешь Ты царство Израилю?». Они услышали въ отвѣтъ: «Не ваше дѣло знать времена или сроки, которые Отець положилъ въ Своей власти» (Дѣян. 1. 6. 7.).

Мы, конечно, также не можемъ знать назначенныхъ Господомъ временъ и сроковъ. Но все же многіе признаки заставляютъ насъ повторить вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ: «Вотъ, теперь время благоприятное, вотъ, теперь день спасенія!» (II. Кор. VI. 2).

«Ей, гряди, Господи Іисусе!» (Апок. XXI. 20).

Протоіерей Сергѣй Четвериковъ.